

Не говорили, что навсегда

ВЛАДИМИР ЮРЧЕНКО

Александр Паншин (слева) и Сергей Коптев (справа) как сейчас помнят катастрофу на Чернобыльской АЭС

Ирина ДУДКА

Александр Паншин — полковник в отставке, живёт в Шебекино и занимается делами общественной организации чернобыльцев. Он рассказывал, что происходило в Припяти в первые дни после аварии.

Спасли людей

В 1986 году Александр Иванович служил в Чернигове, был заместителем начальника автослужбы армии. Авария произошла 26 апреля в 1:23 ночи, а вечером того же дня он ехал в Припять, чтобы развернуть палаточный городок.

— Конечно, мы уже знали, что произошло, — начинает ликвидатор свой рассказ. — Я привёз палатки и утром 27 апреля вернулся в Чернигов, чтобы отправлять на АЭС воинские части, которые будут участвовать в ликвидации. В Чернигове формировали автомобильный батальон, который подвозил бы воду, продукты и прочее бригаде ликвидаторов — химическому батальону из Киева.

Автомобильный батальон из 300 единиц техники и 400 человек формировали несколько дней. Колонна выехала 1 мая, после того как закончились демонстрации.

— Чтобы не допустить паники, всё скрывали. И в Киеве людей вывели на демонстрации, когда там был повышенный уровень радиации, и в Чернигове. Мне надо машины вывезти, а меня не выпускают, говорят: пока не пройдёт митинг — не выпустим. К вечеру 1 мая город открыли, — вспоминает он.

К тому моменту Припять опустела. Сообщение об эвакуации прозвучало 27 апреля в 14:20 по местному времени.

— Автобусами людей собирали прямо у подъездов, привозили в палаточные городки, которые мы разбили, давали чистую одежду, её привезли со всех магазинов Чернигова, а их вещи забирала. Дальше стояло больше 100 чистых автобусов с табличками «Киев», «Львов», «Чернигов», люди выбирали, куда поедут. Тех, кому некуда было ехать, вывозили в лагерь, а дальше искали варианты переезда, — рассказывает Паншин.

В Припяти до аварии проживало около 47 тысяч человек. Всех вывезли меньше чем за три часа. Людям не говорили, что они уезжают навсегда.

— Чтобы не сеять панику, сказали, что вывезут на три дня, и разрешили взять только документы. Помимо самой Припяти, эвакуировали жителей из сёл, расположенных в 30-километровой зоне заражения.

— Я тогда ездил по сёлам, мы искали неисправные машины, это был ужас! Людей эвакуировали, а животные-то оста-

КСТАТИ

Всего из-за аварии на Чернобыльской АЭС покинули свои дома больше 115 тыс. человек, работали над ликвидацией аварии около 600 тыс. Защитный саркофаг, который должен был полностью изолировать четвёртый энергоблок, закончили строить в ноябре 1986 года. Остальные три реактора продолжали работать. Последний, третий, остановили в 2000 году, однако наблюдения за станцией продолжают по сей день.

лись. Собаки не кормлены, коровы не доены — все кричат, мычат, страшно смотреть. А ничего нельзя забирать, люди уезжали в одной одежде, — продолжает ликвидатор. — По периметру поставили оцепление, чтобы предотвращать мародёрство, ведь из брошенных квартир тащили всё, что могли унести, с заражённых машин снимали всё, что снималось. Никто ничего не понимал и не боялся.

Спасли технику

Ликвидаторы работали круглосуточно, около сотни машин подвозили воду для охлаждения реактора. Появилась опасность, что вся она попадёт в реку Припять и далее — в Днепр. Тогда дали команду охлаждать реактор жидким азотом. Примерно в 15 км от Припяти была железнодорожная станция, откуда на спецтехнике подвозили жидкий азот.

— АЭС проектировали так, что в случае аварии реактор должен упасть в шахту с водой под ним, и сверху его должны закрыть плиты, но всё пошло не так. Потому пришлось делать систему охлаждения. Шахтёры из Тулы подкапывались под реактор и прокладывали трубы охлаждения, в них закачивали жидкий азот. Сверху вертолёты сбрасывали мешки с песком и свинцом. Их загружали в парашюты и бросали в кратер над реактором. Образовывалась корка, которая не позволяла выходить газам с радиоактивной пылью, — рассказывает Александр Иванович.

Вероятность повторного взрыва была очень высокой, ведь реакция продолжалась. И люди, и техника работали на износ. Новый приказ Паншин получил 8 мая: отоблизовать из Чернигова ремонтный батальон, чтобы восстанавливать технику.

К тому моменту понтонную переправу через Припять разобрали, чтобы никто туда не мог попасть, и колонне пришлось ехать аж через Киев, а это 270 км вместо 100 км по прямой.

стр. 2

СОБАКИ НЕ КОРМЛЕНЫ, КОРОВЫ НЕ ДОЕНЫ — ВСЕ КРИЧАТ, МЫЧАТ, СТРАШНО СМОТРЕТЬ. А НИЧЕГО НЕЛЬЗЯ ЗАБИРАТЬ, ЛЮДИ УЕЗЖАЛИ В ОДНОЙ ОДЕЖДЕ.

Не говорили, что навсегда

стр. 1

— Ремонтный батальон был настолько важен, что начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант Ежов выходил со мной на связь каждый час. Мы прибыли на место 10 мая в два часа ночи. Остановились на обочине у просеки, и я дал команду отбой, люди спали прямо в машинах до шести утра. Потом дозиметристы проверили степень заражённости участка, сказали, что работать можно, и к полудню мы стали принимать технику. Скоро вышли на плановый показатель — 25 автомобилей в сутки, — говорит он.

Все эти машины работали в непосредственной близости от реактора. Перед тем как отдать в ремонт, каждую мыли и обрабатывали.

Через несколько дней приходит новый приказ: развернуть инженерно-сапёрную бригаду, которой предстоит делать обваловку реки При-

пяти — вода от дождей и с реактора могла попасть в реку, и людям выдали лопаты и нагнали технику, чтобы предотвратить загрязнение.

Спасли себя

Александр Иванович хоть и бывал в зоне заражения наездами, через месяц заработал свои 20 микро-рентген и дальше не имел права находиться там. Его отправили на реабилитацию в Крым.

— За заражением следили строго: у каждого накопительный дозиметр, ежедневно записывали показания в журнал. Как только доходило до критического уровня — сразу отправляли, — утверждает ликвидатор. — Защита от радиации какая — пропитка солдатская и респиратор. В нём час подышал, красный внутри — значит всё, выбрасываешь и другой надеваешь. У меня в машине ящик респираторов был. Предельная доза — 25 микро-рентген, но её не писали никому. Руководи-

телей наказывали, если держали людей с предельной дозой облучения. Такую получили пожарные, которые в первый день тушили взорвавшийся энергоблок, — все 26 человек умерли от лучевой болезни.

Они и стали прототипами героев фильма «Чернобыль».

Вы смотрели?

— Смотрел, и что? Кино есть кино, а не то, что мы видели на самом деле, — машет рукой.

Военная дисциплина

Масштабные ликвидационные работы на четвёртом энергоблоке продолжались до ноября 1986 года, когда возвели первый саркофаг. Остальные три энергоблока продолжали работать. Сергей Николаевич Коптев приехал на АЭС в 1987 году и как раз дежурил на первом энергоблоке.

— К тому моменту я два года служил в Харьковской пожарной, призвали через военкомат. Мы как пожарная охрана занимались ох-

раной территории. В первую вахту я дежурил на первом энергоблоке, смены по 12 часов. Жили под Черниговым, там построили новый городок, и ездили оттуда на работу — я на АЭС дежурил вместе с операторами. Те, кто в пожарной части, выезжали на возгорания — то трава горела, то леса сухие, бытовые пожары бывали, не все же оттуда выехали, — рассказывает он. — Много стариков осталось в хуторах.

— Вам было страшно тогда возле АЭС? — спрашиваю Александра Ивановича.

— Нет. Как может быть военному человеку страшно? В Чернигове в штабе армии офицеры работали бригадирами на крыше. Им давали 15 солдат, они залезали на реактор и лопатами сбрасывали графитовые стержни. Работают 5–10 минут и меняются. В июле мы двоих похоронили — лучевая болезнь.

— Люди знали, что идут на смерть? Как их отбирали?

— Кто там отбирал! Военная дисциплина. Команду дали «на крышу» — поднялись на крышу. Я только про жертвы из офицерского состава знаю, а сколько ребят рядовых погибло, мы даже и не знаем, — отвечает он.

Конечно, радиация ни для кого не прошла бесследно, у каждого букет болезней. Из Шебекино в ликвидации участвовали 250 человек, из них 102 нет в живых.

ЭТО ИНТЕРЕСНО

Спустя 36 лет после аварии в зону отчуждения водят туристов. Уровень радиации в Припяти 101 микро-рентген в час, или 0,88 микро-зиверта в час. На самой АЭС 224 микро-рентгена, или 1,9 микро-зиверта в час.

Обычный для Белгорода уровень радиации 11–12 микро-рентген в час, или 0,09–0,1 микро-зиверта в час. При рентгене лёгких пациент получает те самые 0,1 микро-зиверта.